

ЯЗЫК КАК ИНСТИНКТ

Болтушки
Часть I

Следует заметить, что Пинкер, являясь учеником и последователем Ноама Хомского, критикует его, говоря о том, что теории Хомского о языке как инстинкте слишком схематичны и целиком опираются только на языковые факты, на факты языка, на факты синтаксиса или грамматики.

Пинкер признает, что его книга несколько эклектична, поскольку он опирается на работы нейрофизиологов. В частности, на теорию о том, как ДНК влияет на строительство мозга. Не просто на строительство мозга, а именно на те участки коры головного мозга, которые отвечает за формирование и функционирование речи у человека. Но Пинкер идет дальше. Он ставит главный: если язык не является результатом развития человеческой культуры и средством выживания, значит, это инстинкт? То есть, Пинкер говорит о том, что птицы летают не потому что их специально учат. Способность летать у птицы уже заложена с рождения. Точно также у ребенка есть способность говорить. Она заложена инстинктивно. И вот тут Пинкер выстраивает интересную аргументацию, которая, я думаю, является причиной популярности этой книги. Он приводит много фактов из быта, из литературы, из кино, из популярной культуры. И пишет, как разрушалось представление западных людей о том, что язык – это высшее достижение человеческого разума, и только человек обладает способностью говорить на языке. Вы знаете о том, что практически весь XIX век мир характеризовался развитием империи. Что такое империя? Это метрополия и колония. В начале XX века говорили, что над Британской империей никогда не заходит солнце. От Австралии и Новой Зеландии до Канады. И я так «в скобках» скажу, что вся современная Западная культура на 80% – это культура, «привезенная» из колоний. Кухня, спорт, культурная деятельность, научные открытия. Благодаря колониям это было обретоено британцами, облагорожено, приведено в изящную форму и превращено в достояние человечества

Здесь мне приходит на ум латинская поговорка «*Ex oriente lux, ex occidente lux*» («Свет с Востока, отблески с Запада»). Это очень мудрая мысль, потому что вся история мировой культуры подтверждает эту формулу.

Стивен Пинкер прежде всего отсылает нас именно к этому периоду расцвета британской экспансии по всему миру и цитирует одного из британских путешественников, золотоискателя, генерала Майкл Ли. Тот вспоминал, как его команда однажды прибыла на один из островов Индонезии. Они высадились на один гористый остров, и увидев долину, остановились на ночлег. Вскоре они поняли, что этот остров не является необитаемым. Там живут люди, довольно многочисленные племена. И люди их тоже увидели. Тогда команда генерала стала готовиться к обороне – заряжали ружья, раскладывали боеприпасы, сооружали самодельную бомбу. Всю ночь они провели в тревожном ожидании, боясь, что с минуты на минуту придут дикари, готовые их убить, поджарить и съесть. Может быть, даже съесть, не поджарив. А на рассвете они увидели, как островитяне идут к ним с корзинами с фруктами. Впереди шли женщины с детьми на руках и старцы. У островитян были самые добрые намерения. Подойдя поближе, они все одновременно заговорили. И речь их была многообразной, очень сложной. Аборигены обменивались длинными фразами, вступали в дискуссии по поводу пришельцев. И тогда генерал понял, что английский язык, который они считали высшим достижением человечества, не является единственным сложноорганизованным языком.

Пинкер говорит о том, что на этом архипелаге обнаружилось более 800 языков, совершенно непохожих друг на друга. В изолированных системах развиваются сложноорганизованные языки. Нет ни одного народа, у которого бы не было сложноорганизованного языка.

Может быть, какой-то народ разводит огонь с помощью деревянных палочек, а какой-то делает это с помощью электрической зажигалки. Может быть, кто-то передает информацию посредством засечек на деревьях или расписывая пальмовый лист, выжигая или выдавливая на глиняных табличках какие-то знаки, или записывая файлы на лазерные диски. Кто-то готовит пищу на костре, кто-то в тандыре, кто-то в микроволновке. Культуры очень разные. Но нет ни одного народа, у которого бы не существовало языка, достаточного для отражения всего многообразия мира.

Пинкер не первый, кто говорит об этом. Американские антропологи Рут Бенедикт и Маргарет Мид положили начало идее культурного релятивизма, которая сформировалась в 30 годы прошлого столетия.

Культурный релятивизм означает, что культуру нельзя оценивать по степени ее развития. Нет более развитых и менее развитых культур. Каждая культура – это результат приспособления к той природной среде, в которой она существует. Любая культура самодостаточна. Любая культура самоценна.

Пинкер приводит этот пример только для того, чтобы показать, как крах европоцентризма в сознании европейцев подготовил почву для признания языка как инстинкта. Каким образом это произошло? В начале XX века европейцы убедились в том, что культурная среда никаким образом не влияет на степень развития. И никоим образом с ним не коррелирует. У эскимосов, что живут в очень скудных природных условиях, язык не менее богат, чем у тех народов, что живут в тропиках с богатой природой. Например, существует мнение, что в эскимосском языке – более 50 названий белого цвета. Конечно, когда вокруг все белое, уровень восприятия дифференцирует малейшие оттенки и закрепляет их в языке. Цвет снега зависит от температуры, от времени суток, от времени года, от влажности и так далее.

Это богатство языков Пинкер и отмечает. Он говорит, что существуют сообщества, которые находятся на уровне каменного века, но не существует такого понятия как язык уровня каменного века. То, что сложноорганизованные языки присутствуют повсеместно, стало открытием, приводящим лингвистов в священный трепет, оно дает первый повод подозревать, что язык является не просто продуктом культуры, но и проявлением особого человеческого инстинкта.

Известный лингвист, антрополог XX века Эдвард Сапир рассматривал культуру как систему символических форм. Он говорил, когда доходит дело до языка, Платон идет рука об руку с македонским свинопасом, а Конфуций – с охотником за головами из Осана.

Следующее, на что обращает внимание Стивен Пинкер, это отношение к диалектам. Здесь он пытается изменить отношение к неправильной речи как к чему-то ущербному. В любой культуре существует зрелый, сложноорганизованный, систематизированный язык, доступный всем людям конкретного сообщества, всем носителям этого языка. И они владеют им, как мы говорим, в совершенстве. Это означает то, что у любого языка существует собственная структура.

Пинкер приводит интересные примеры с местоимениями в английском языке. В английском нет категории рода, а в немецком языке – есть, хотя оба они – германские языки. А в тюркских языках (в казахском, например) категории рода нет. Я позволю себе последовать примеру Пинкера и напомнить нашим зрителям известную, но, наверняка, уже забытую репризу из ранней программы «Тамаша» с совсем молодыми Тунгышпаем Жаманкуловым и Кудайбергеном Султанбаевым. Они изображали отца и сына. Сын пришел со школы с двойкой по русскому языку. Оправдываясь перед отцом, объясняет: «Я не знаю, что такое род. У нас же в казахском языке нет рода». Отец спрашивает: «Как это нет? Это же элементарно. Тауық (курица) – женского рода. Қораз (петух) – мужского». «А что среднего рода?», – спрашивает сын. Отец отвечает: «Жұмыртқа (яйцо)».

И любой язык прекрасно передает значение категории рода своими способами. И самое главное, что в коммуникации люди понимают все связанные с этим коннотации.

Пинкер говорит, что в языке индейцев чероки интересные особенности местоимений. В английском есть категория «я и ты», категория «я, ты и другой человек», «я и несколько других людей». В языке чероки все эти категории обозначаются отдельными местоимениями. Это очень интересный лингвистический факт.

Приводя эти примеры, Пинкер говорит о том, что все это инструменты в системе. Кроме местоимений существуют системы падежных отношений, предлоги, склонения. Для Пинкера это является свидетельством того, что несмотря на все многообразие языков, их системы, во-первых, всегда самодостаточны. Во-вторых, они могут быть усвоены и усваиваются инстинктивно.

Это проблема существования нескольких языков в одном сообществе. Именно эту тему я хотел бы раскрыть в следующей лекции.